

Омская газета - 1994 - 20-26 февраля - с. 12.

1. Империя? Нью-Нью...

Когда в субботу ночью после пестрой анимационной заставки на телеэкране возникает Николай Фоменко а la Элвис, в блестящем пиджаке, с гитарой и микрофоном, — чудится на мгновение: вот оно, свершилось! Появилась передача, в которой наш любимый хулиган проще простого явит свои дарования — быстроту реакции, остроту речи, музыкальный экцентризм и грубоватое обаяние умника, косящего под шута. И название интригует: «Империя страсти»! Знаменитый одноименный фильм Осимы, правда, упомянут не был, зато сразу заявили: много есть страстей на свете, но к одной влечет нас в сети...

И только телепередач об этой страсти до сих пор не было.

Теперь передача есть. Но никаких интересных страстей там не оказалось.

В ходе трех туров с названиями, стилизованными под нечто каноническое: «Страсть по кладу», «Страсть по ненависти», «Страсть по одеванию», участники игры прокалывали воздушные шарик, пока не находили «клад» — бумажку на право получения компьютерной мышки с ковриком, совершенно необходимых в домашнем хозяйстве. Затем изображали семейную сцену («Страсть по ненависти»), где задачей было ругать друг друга. Кавалер рыцарски упрекал барышню за рваные колготки, барышня пеняла кавалеру за грязное белье и душно пахнущие носки, употребляя термины несоизмеримо более сильные и тоже неароматные. Затем наперегонки одевали голых манекенов. И непрерывно раздевались сами, снимая с себя по три, по четыре, а то и по шесть предметов.

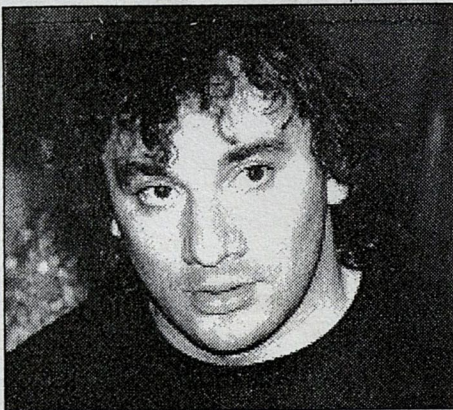
Все в конечном итоге свелось к одной-единственной страсти. На канале НТВ наконец открылся телевизионный клуб эксгибиционистов.

Если в «Плейбое» актеры обнажаются за солидные гонорары, то у нас простые участники «из народа» без всякой специальной подготовки снимают предметы верхнего и нижнего туалета за очень скромное вознаграждение — утюги и мелкую компьютерную утварь. Обнажаются с предельной отвагой, героически закрывая грудями амбразуры видеокамер. Порой это походит на игру в поддавки: желание публично раздеться оказывается сильнее жадных скромных призов. Это даже не нудистский пляж, где обнажение природы есть часть моциона. Здесь гуляет национальная гордость раздевающихся великороссов. А так как духовный стриптиз в

КИКС-ШОУ

Фоменко разбушеввался

Сергей ИВАНОВ

нашем отечестве всегда получался гораздо лучше и искреннее, то ни расплывшиеся телеса, ни далекие от совершенства формы не могут испугать суровой правды о тайне человеческих душ, способных публично исторгать из себя вот такие нечистоты.

Впрочем, страсти человеческие эксгибиционизмом все-таки не ограничиваются. И почему бы в следующих телевизионных проектах не осуществить «Республику мастурбации» или «Царство нимфомании»? Тоже ведь не последние в мире желания!

Степан МУХОБОЙ

2. Гвоздь в крышку

До сих пор стоит перед глазами буколическая картинка: Серебряный бор, бережок, плеск волн и орущий транзистор, собравший вокруг себя отдыхающих. Забыли про солнце-воздух-воду и самозабвенно хохотали над «Русскими гвоздями», идущими по «Русскому радио».

Слушали, как Николай Фоменко раздевает песни.

Это было еще на самой заре передачи. После того, как Фоменко препарировал песенный текст, идущую за тем песню уже нельзя было

слушать без смеха. Ее вообще нельзя было больше слушать — она уничтожалась.

Потом Фоменко стал повторяться, заикаться на одних и тех же приемах, весь песенный конвейер стал сводить к теме сексуальной озабоченности, но даже это было понятно и простительно — попробуйте обшопать десяток мало вдохновляющих песенок еженедельно, и при этом не повториться.

Грубоватый его юмор казался органичным, он входил в состав образа, проскальзывавшая там и сям пошлость была как раз в той дозе, без которой за этот жанр лучше не браться вовсе.

Телевизионная версия «Гвоздей» возникла на гребне успеха версии радиной и должна была еще более умножить и без того оглушительную популярность Фоменко.

Возникла, как теперь ясно, не потому, что распирали новые идеи. Телезрители услышали все то, что многократно слышали по радио. Анекдот, дважды повторенный, не смешон, оставалось полагаться на возможности телевизиония. Появилась детская надувная мебель и диджеевский пульт, за которым почему-то оказался некий работник с бутылочкой. От песни к песне он пьянеет и к концу передачи уже не вяжет лыка. Все слишком физиологично, чтобы быть смешным. А главное, теперь уже непонятно, кого у нас здесь Фоменко раздевает, — нелепости песенных текстов побледили перед нелепостью самой ситуации, где все необъяснимо: почему пульт, почему работника и какова цена его лыка-не-вяжущих наездов.

Радиный персонаж был оазисом среди интеллектуальной пустыни.

На ТВ песни кажутся спасительным антрактом после зрелища, пренебрежительнейшего во всех отношениях.

При этом песни лучше не стали. Но их дают нам посмотреть-послушать полностью, так что из «Русских гвоздей» вышел не более чем еще один заурядный клип-концерт, но с нетипично многословным, нудным и на взгляд несимпатичным конференсом.

Затяга оказалась самоубийственной. Теперь Фоменко раздел не песни, а собственную передачу. С прежним, однако, конечным результатом: теперь и радиовersion стало невозможно слушать. Словно за спиной когда-то полюбившего эфирного персонажа встал вот этот неоправданный и неостроумный пьянчужка.

Передача самоуничтожилась. Мир праху ее. Хорошие были гвозди.

Артем СВИРИДОВ